

Чжоу Тинъюнь был одет непривычно просто: клетчатая рубашка поверх белой футболки и светло-голубые джинсы. Облик свежий, чистый и полный юношеской энергии — Вэнь Цяньхэ еще не видел его таким. Прежде Тинъюнь всегда придерживался образа «холодного красавца», предпочитая изысканные наряды и подчеркнуто мужественный, дерзкий стиль.

— Давай прогоним номер в костюмах, — предложил он.

Цяньхэ как раз заканчивал репетицию под музыку.

— Давай, — согласился он, переводя дыхание. — Го И уже всё подготовил.

На самом деле Тинъюнь пришел давно. Он стоял в тени, не желая мешать: Цяньхэ танцевал удивительно красиво. Его движения нельзя было назвать профессиональными, но природная гибкость и безупречные пропорции тела делали каждый жест точным.

Вэнь прогибался, садился на шпагат, вращался — всё давалось ему без видимых усилий. В этом танце не было пошлости, лишь чистая классическая грация, в которой воплотились нежность, преданность и отвага женщины древности. В такие моменты понимаешь справедливость слов: если уж мужчина примется искушать, женщинам рядом делать нечего. Но Цяньхэ не искушал — он проживал свою роль.

Тинъюнь протянул ему бутылку воды, купленную по дороге. Вэнь на мгновение замешкался, но брать не стал.

— Не нужно, у меня есть своя.

— Твоя — это твоя, а эту купил я. Есть разница, — Тинъюнь бесцеремонно вложил бутылку ему в ладонь. — Где костюмы? Пошли переодеваться.

Сжимая в руке еще сохранивший уличное тепло пластик, Вэнь коротко бросил:

— В раздевалке.

Они направились к шкафчикам. В мужской раздевалке театрального кружка не было кабинок — просто общее помещение. Цяньхэ замер у порога.

— Твои вещи во втором ящике.

— А ты чего застрял?

— Сначала ты, а я пока в туалет схожу.

Вэнь неловко отвернулся, собираясь выйти, но Тинъюнь крепко перехватил его за запястье и втянул внутрь. Тинъюнь усмехнулся, разглядывая его замешательство.

— Туалет вообще-то в конце раздевалки. Куда это ты собрался?

— Не подходи так близко, — Вэнь попытался оттолкнуть его. — Я не хочу переодеваться вместе с тобой.

— Это еще почему? Боишься, что не устоишь перед моей фигурой?

Тинъюнь внезапно схватил его за руку и прижал к своей груди.

— Я парень щедрый. Можешь не только смотреть, но и трогать сколько влезет.

Пальцы Цяньхэ дрогнули. Он попытался вырваться, но хватка Тинъюня была железной. Тинъюнь лишь недавно осознал, что Вэнь Цяньхэ обладает каким-то странным магнетизмом. Сначала, после расставания, он чувствовал лишь привычную легкость, но стоило попробовать сойтись с кем-то другим, как пришло понимание: что-то не так. Весь последний месяц он никого не искал, потому что каждый новый кандидат невольно сравнивался с Вэнем.

Кожа должна быть такой же светлой и нежной, но выносливой; фигура — изящной, но не костлявой; лицо — красивым, но не вульгарным; голос — приятным, но без слащавости. Характер — мягкий, но со стержнем. И эта его бедность, сочетающаяся с достоинством... Друзья говорили, что Тинъюнь окончательно спятил со своими требованиями, мол, таких людей не бывает.

«Как же не бывает, — думал Чжоу, глядя на юношу, — вот же он, прямо перед моими глазами».

Цяньхэ вспыхнул до корней волос и резко выдохнул:

— Веди себя прилично! Мы здесь делом занимаемся!

Тинъюнь нехотя разжал пальцы.

— Хорошо. А когда закончим, поужинаем вместе?

Цяньхэ промолчал. Предложение «перепихнуться» читалось на лице Чжоу слишком явно.

— Мне нужно репетировать песню, чтобы быстрее вернуть тебе долг. Так что свободного времени на «молодого господина Чжоу» у меня нет. Да и недостатка в компании ты, кажется, не испытываешь. Не смею мешать твоей прекрасной жизни.

Пользуясь моментом, Вэнь проскользнул к шкафчику, достал костюмы и швырнул один Тинъюню.

— Переодевайся.

Сам он начал менять одежду, стараясь не смотреть по сторонам. Тинъюнь, напротив, не сводил с него глаз.

— Цяньхэ, тебе нужно больше есть. Смотри, какая талия... одни ребра скоро останутся.

Он невольно вспомнил, как любил обхватывать эту узкую талию сзади, и как Вэнь тогда издавал этот тихий, хрипловатый звук...

— Тебя это не касается.

— Не согласен... — пробормотал Тинъюнь, начиная стягивать рубашку. Если он продолжит смотреть, репетиция рискует закончиться прямо здесь, на полу раздевалки.

Дальнейшая тренировка прошла на удивление гладко. Тинъюнь вел себя присмирело, старался изо всех сил и даже не ругался, когда ошибался сам. Цяньхэ же несколько раз наступал на подол слишком длинной юбки. Он то и дело извинялся за свою неуклюжесть, хотя в одиночестве танцевал безупречно.

По сюжету пьесы Лян Шаньбо и Чжу Интай кончают с собой и превращаются в бабочек, но после обсуждений труппа решила добавить сцену встречи во сне — для счастливого финала. Именно поэтому в конце номера предполагался сценический поцелуй.

— Не напрягайся так, я не собираюсь целовать тебя по-настоящему, — заметил Тинъюнь. Каждый раз, когда он притягивал Вэня к себе для «поцелуя», тот замирал, сердце его колотилось, а сам он становился деревянным. Тинъюню же это только льстило. Ощущая податливость стройного тела, мягкость бедер... Вэнь Цяньхэ словно был создан специально для него.

— Я понял, — Цяньхэ отстранился. — На сегодня всё.

Он почти бегом скрылся в раздевалке, пытаясь выровнять дыхание.

— Ты уверен, что не хочешь поужинать? Я угощаю, — Тинъюнь последовал за ним. Ему казалось, что после такой удачной репетиции Вэнь смягчится.

Цяньхэ аккуратно сложил костюм в ящик.

— Не заслужил. И времени нет. Чжоу Тинъюнь, я уже говорил тебе: между нами ничего и никогда больше не будет.

— Не говори «никогда». А вдруг? — Чжоу прислонился к косяку, глядя на него с легкой усмешкой.

— Никаких «вдруг». Исключено, — проходя мимо, Вэнь намеренно наступил ему на ногу. — И не строй иллюзий.

***

Вернувшись в общежитие, Цяньхэ, пользуясь отсутствием соседей, принялся исступленно репетировать. Для конкурса «Голос Университета А» он выбрал «Почему бы и нет» — песню Сюй Суна, показавшуюся ему не самой сложной.

— А поешь ты красиво. Неужели и правда пойдешь на конкурс?

Цяньхэ, погруженный в мелодию, вздрогнул от неожиданности. В дверях стоял Чжан Цючи.

— А, да... пойду.

— Кто же тебя надоумил, ха-ха! — Цючи прыснул. — Прямо самому захотелось кого-нибудь из друзей так подставить.

Цяньхэ шутку не оценил, но злиться не стал.

— Один... придурок из клуба.

Цючи перестал смеяться и уставился на него с подозрением:

— Впервые слышу от тебя ругательство. Кто этот человек? Вы с ним враждуете? Он решил над тобой поиздеваться?

Вэнь покраснел. Слово «придурок» вылетело само собой. Ему не хотелось произносить имя Тинъюня, вот и сорвался на грубость.

— Нет, мы не враждуем. Он просто пошутил. К тому же мне нравится петь, так почему бы не попробовать, раз выпал шанс?

Цючи забросил пакеты с покупками на стол и подскочил к нему.

— Круто! Когда начало? Я приведу всех ребят, будем орать за тебя громче всех! Ты же звезда нашего блока! Красавец, танцор, теперь еще и певец. И учишься на отлично. Вэнь Цяньхэ, когда станешь большим человеком, не забывай о нас!

От такого бурного восторга Цяньхэ оторопел. Лицо соседа было настолько комичным, что он не выдержал и улыбнулся:

— Однокурсник Чжан, к тому времени, как я стану «большим человеком», ты уже наверняка будешь солидным боссом.

Семья Чжан Цючи владела сетью отелей. При поступлении его родители подарили каждому в комнате по комплекту постельного белья. Староста, Хуа Цинъюань, приехал из Внутренней Монголии и завалил всех кумысом и вяленой бараниной — человек он был простой и надежный. Третий сосед, Цзян Цзюньсю из Цзянси, происходил из династии врачей, но в медицину идти отказался наотрез. В старших классах он перевелся на гуманитарный профиль, из-за чего до сих пор был в ссоре с родителями; за учебу ему платила сестра. В первый же день он пригласил всех в ресторан.

Тогда лишь Цяньхэ ничего не смог привезти в подарок. Ему было неловко, но соседи не подали виду и всегда относились к нему с теплотой. В конце первого семестра он всё же выкроил деньги и устроил для всех ответный обед. Долги нужно возвращать.

— Мне, видать, на роду написано просто наследовать семейное дело, — вздохнул Цючи. — Так что миссия вершить правосудие и стоять на страже справедливости лежит на тебе.

Вэнь серьезно кивнул. Именно поэтому он выбрал право. На экзаменах он набрал 623 балла — лучший результат в школе. Директор тогда на радостях выдал ему пятьдесят тысяч юаней премии. Он мог выбрать любой вуз страны, но, не желая уезжать далеко от дома, остановился на Университете А, чей юридический факультет входил в топ лучших.

— Вы дверь специально для меня не закрыли? — в комнату вошел Хуа Цинъюань с укулеле под мышкой.

— Ты же сам сказал, что ключи забыл, — отозвался Цючи.

Цинъюань повесил инструмент на шкаф.

— Цяньхэ, послезавтра вечер первокурсника. Выступаешь в этом году?

— Нет, так... на подхвате.

Вэнь надеялся, что о его роли в женском платье узнает как можно меньше людей. Особенно из своей комнаты.

Цючи, уже собиравшийся запустить игру на компьютере, вдруг обернулся:

— Кстати! Та девчонка из вашего клуба, что была в центре в прошлом году... Она будет выступать? Я просил у тебя её контакты, а ты зажал. Сам, небось, глаз положил?

Цяньхэ сглотнул.

— Она... наверное, будет. У неё есть парень. Но это не я.

В прошлом году оба соседа донимали его, уверяя, что та «девушка» — их идеал, и они готовы за неё сражаться. Сказать им правду — что той красоткой был он сам — не поворачивался язык.

— Вот и отлично! Значит, в этом году я сам выпрошу у неё вичат. Пока не замужем, шансы есть у всех!

—...

Цинъюань вздохнул:

— Ладно, я в душ. Устал как собака, у нас сегодня в студсоюзе тимбилдинг был.

— Тимбилдинг у них, — хмыкнул Цючи. — У тебя девушка есть, нечего на чужих заглядываться, а то получишь на орехи.

В этот момент с третьей койки показался заспанный сосед.

— Как же вы шумите...

Цяньхэ замер. Цзян Цзюньсю? Он всё это время был в комнате?

— Цзян... я тебя разбудил? Не знал, что ты здесь.

Цзюньсю окинул его взглядом. Он всегда выглядел безупречно: чистая кожа без единого изъяна, свежесть и дисциплина во всём — сказывалось воспитание в семье потомственных медиков. Цяньхэ редко с ним общался, особенно после одного случая. Как-то раз Чжоу Тинъюнь притащил его в ресторан и в приступе сумасбродства заставил пить на брудершафт, уверяя, что их никто не видит. Именно эту двусмысленную сцену и застал Цзюньсю.

Тогда Вэнь едва не умер от страха. Он вернулся в общежитие, собираясь умолять Цзяна не выдавать его, но в последний момент смелость изменила ему. Он написал длинное сообщение в

вичате, на что Цзюньсю ответил коротко: «Ничего не видел, ничего не знаю». С тех пор Цяньхэ считал его самым надежным человеком на свете. О его романе с Тинъюнем в комнате так никто и не узнал. Настоящий товарищ!

— Ничего. Ты поешь лучше, чем эти двое шумят.

— Эй, Брат Цзюнь, я же не знал, что ты спишь! — оправдался Цинъюань.

— А то ты не знаешь, что в полдесятого я уже в кровати. Сейчас пол-одиннадцатого.

— Ладно-ладно, ты у нас человек-камень.

Цзюньсю продолжал смотреть на Цяньхэ. Его голос после сна звучал глухо:

— Кажется, сегодня днем я видел вашего главу Го И. Он ходил в «Ай Сяньюань» обедать с кем-то из клуба.

— А... ну, это нормально, — Цяньхэ не понял, к чему это. «Ай Сяньюань» — место дорогое. Неужели Го И решил так потратиться ради свидания?

— Он был с женщиной. Они выглядели... весьма довольными, — Цзюньсю увидел, как лицо Цяньхэ вытянулось от удивления, и снова скрылся под одеялом.

Короткая, многозначительная фраза. Вэнь всё понял. Го И и Чжоу Тинъюнь? Но Го И же терпеть его не мог, они чуть не подрались недавно! Что задумал этот негодяй Тинъюнь?

Цяньхэ надел наушники и погрузился в музыку. Конкурс должен был состояться через два дня после праздника первокурсников. Он гадал, что будет петь Тинъюнь — тот всегда мастерски переходил от быстрых треков к лирике. Когда Чжоу пел о любви, его взгляд был настолько глубоким, что не влюбиться было невозможно. Вэнь и сам когда-то попал под это очарование, считая себя счастливчиком.

Теперь он знал: Тинъюнь — игрок. Для него чувства — лишь прелюдия к похоти, а верность — пустое слово. Какой человек сможет его укротить? Цяньхэ было даже немного любопытно, но он понимал, что не доживет до этого дня — в университете Чжоу явно не собирался остепеняться.

***

В день праздника Цяньхэ встал на рассвете. Гример велел заранее наложить маску: кожа была слишком сухой. Место сбора изменили, так как за организацию теперь отвечал Чжоу Тинъюнь.

Не успел Вэнь выдержать маску, как зазвонил телефон.

— Восемь часов. Живо вниз, — раздался нетерпеливый голос Чжоу.

— Вечер только через двенадцать часов, зачем так рано?

— Слушай распоряжения. Гримировать нужно многих, так что поторапливайся.

— Мне нужно переодеться.

Тинъюнь хмыкнул:

— Не трудись, ты в любом виде хорош.

Цяньхэ сбросил вызов. Видеть эту самодовольную физиономию не хотелось. Он сорвал маску и пошел в ванную. На полпути эссенция затекла ему в глаза. Жжение было невыносимым. Вэнь зажмурился и побрел на ощупь.

Добравшись до балкона, он услышал шум воды. Там был Цзян Цзюньсю — тот всегда вставал ровно в семь тридцать. Глаза Цяньхэ покраснели, по щекам потекли невольные слезы, но он не решался поторопить соседа.

Через пару минут дверь открылась. Цзюньсю увидел Цяньхэ, который стоял с закрытыми глазами, — лицо влажное от маски, ресницы в капельках слез. Он молча взял Вэня за руку и повел к раковине. Цяньхэ вздрогнул, но сопротивляться не стал — глаза горели огнем.

Цзюньсю включил воду и мягко направил его руки.

— Не открывай глаза сразу. Не три их.

— Хорошо...

Когда жжение немного утихло, Цяньхэ всё еще не решался разомкнуть веки. Цзюньсю вложил ему в ладонь флакон с каплями.

— Закапай.

— Спасибо.

Цзян стоял рядом.

— В следующий раз сразу промывай чистой водой. Не жди никого, зрение дороже. Еще пара минут — и мог бы повредить роговицу.

— Да, я запомню.

Цяньхэ попытался закапать лекарство, но невольно зажмурился.

— Давай я, — Цзюньсю не выдержал и слегка улыбнулся. — Расслабься. Можешь даже не открывать глаза, просто не зажмуривайся. Закапаем в уголок, наклони голову, и всё само затечет.

Вэнь послушно замер. Всё прошло идеально.

— Спасибо! Ты настоящий мастер.

— Открывай потихоньку. И не благодари, если бы не я в ванной, ты бы не стоял там так долго.

Стоило Вэню открыть глаза, как в комнате снова надрывно зазвонил телефон. Этот «молодой господин» не мог подождать и секунды. Цяньхэ принялся поспешно вытирать лицо.

— Ты и в этом году на сцену?

Цяньхэ замер. Он уставился на соседа, не веря своим ушам.

Цзюньсю невозмутимо пояснил:

— Косметика может изменить лицо, но движения и ауру — никогда. Тебя не узнать невозможно.

— Но ведь... никто больше не догадался...

— Это они. А я — это я. Стоит мне один раз запомнить человека, и я узнаю его, даже если он превратится в пепел.

Цяньхэ пробормотал:

— Потрясающе.

— Судя по телефону, тебе пора.

Вэнь схватил трубку. Из динамика тут же посыпались проклятия:

— Вэнь Цяньхэ, ты там сдох в своей конуре? Мне прийти за твоим трупом?! Хватит телиться, меня уже трясет!

— Всё-всё, я выхожу.

— Поздно, я уже иду.

Цяньхэ даже не успел вставить слово — Чжоу Тинъюнь явно был в бешенстве. Впрочем, если тот не заберет его, Вэнь даже не узнает, где именно сегодня гримерка. Пока звонок не прервался, он хотел спросить адрес, чтобы идти самому.

— Открывай.

Вэнь опешил. Голос в трубке повторил:

— Открывай дверь. Хочу лично увидеть, чем ты там так занят.

— Нет, нельзя!

Но Цзян Цзюньсю, собиравшийся на завтрак, уже потянул за ручку. Вэнь в панике отвернулся.

Чжоу Тинъюнь стоял на пороге — безупречный, лощеный, с хищной улыбкой на лице.

Цзюньсю нахмурился и холодно бросил:

— Дайте пройти.

Тинъюнь опустил взгляд на человека, преградившего ему путь. Голос Цзяна прозвучал чисто и твердо:

— Вы не слышите?

— Ты сосед Вэнь Цяньхэ?

— А похоже на то, что я мимо проходил?

Цяньхэ подскочил к ним, чувствуя неладное:

— Это мой сосед, Цзян Цзюньсю. А это Чжоу Тинъюнь из клуба.

Тинъюнь, недовольный таким представлением, нехотя отступил:

— Раз надо выйти — выходи.

Цзян смерил его ледяным взглядом и зашагал прочь.

— И не смей заглядываться на моих друзей, — негромко, но твердо предупредил Вэнь, заметив, как Тинъюнь смотрит вслед ушедшему Цзяну.

— О чем ты? Я просто слежу, чтобы на тебя никто лишний не зарился.

— Не все такие, как ты.

Вэнь выхватил из шкафа первую попавшуюся кофту.

— Нужно брать что-то еще?

Тинъюнь, прислонившись к двери, принялся критическим взглядом осматривать комнату.

— Условия тут, конечно, аховые. Четверо в одной клетушке... теснота, ни вздохнуть, ни повернуться.

<http://bllate.org/book/17446/1656949>